

Андрей Юрганов

А.К.ВОРОНСКИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

(СЕРЕДИНА 20-Х – НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 929

94(47)084

В заключительной части статьи речь идет о политическом преследовании А.К.Воронского, о следственных делах, которые раскрывают механизм травли в эпоху сталинизма. В публикуемом архивном фрагменте следственного дела 1937 года содержится подробная характеристика Воронским партийных, литературных деятелей, причислявшихся властью к троцкистской оппозиции. Несмотря на судебный характер документа, сведения, в нем содержащиеся, не противоречат тому, что нам известно по другим источникам – радикально меняются только оценки: то, что было легальной фракционной деятельностью во второй половине 20-х годов, в 1937 году квалифицировалось как тяжкое преступление против партии большевиков. Новый документ, вводимый в научный оборот впервые, поможет исследователям разобраться в хитросплетениях политических и литературных отношений вокруг журнала «Перевал», одним из создателей которого был Воронский.

In the final part of the article A.K.Voronskii's political persecution is discussed, as well as investigative cases, that reveal harassment mechanism employed during the Stalinist era. The published archival excerpt from investigation file opened in 1937, contains a detailed description by Voronsky of the party and literary figures whom the authorities considered part of the Trotskyist opposition. Despite the origins of the document, its data does not contradict our information from alternative sources. Just the assessments are radically different. What was the legal factional activity in the second half of the 1920s, in 1937 already was treated as a grave crime against the Bolshevik Party. The new document, which is introduced into scientific circulation, will help researchers understand the intricacies of political and literary nature relating to the "Pereval" journal, where Voronsky was one of the founders.

Ключевые слова: пролетарская культура; пролеткульт; цензура; попутчики; литературный процесс, троцкизм.

Key words: the proletarian culture; the Proletkult; censorship; fellow-travellers; literary process; Trotskyism.

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1. Стилистика документов сохранена, орфография и пунктуация приведены в соответствие нормам современного русского языка.

Партийное дело

«Партийное дело А.К.Воронского» (хранится в РГАСПИ) частично опубликовано [7]. Как заметили публикаторы, «красной нитью проходит обвинение его в троцкизме» [7,

с.270]. Если напостовцы говорили о строительстве пролетарской литературы, то Воронский, поддерживая Троцкого в тезисе о невозможности построить ее сразу, оказывался в ситуации противника пролетариата. Любое объяснение того, что это не так, рассматривалось как оправдание оппозиционной деятельности. Коллективное и бездушное начало, замазавшее «Мы», которому не поверил Воронский в 1922 г. [5, с.134], стало превращаться в реальность его личной судьбы.

В «Партийном деле» отложились документы, свидетельствующие о борьбе с влиянием Воронского на литературный процесс. Так, судя по выпискам из протоколов заседаний Оргбюро ЦК, вопрос о *Красной нови* обсуждался 29 августа 1924 г. и было вынесено постановление о расширении редакционной коллегии. Вхождение Ф.Ф.Раскольников, сочувствовавшего напостовцам, и В.Г.Сорина, заместителя заведующего отделом печати ЦК РКП (б), лишило Воронского всякой свободы действий.

В 1925 г. Раскольников в редколлегии *Красной нови* заменил Ем.Ярославский, ситуация изменилась в лучшую сторону. ЦК РКП (б) принял постановление «О политике партии в области художественной литературы». Комиссию, готовившую постановление, возглавлял М.В.Фрунзе, что во многом помогло Воронскому остаться в прежней должности. Но борьба, шедшая с переменным успехом, завершилась поражением Троцкого, а следовательно и Воронского. 18 апреля 1927 г. в отделе печати ЦК ВКП (б) состоялось обсуждение журнала *Красная новь*. Говорили, в частности, и о том, как прошел юбилейный вечер, посвященный пятилетию журнала. В числе приглашенных в ЦК партии для обсуждения журнала были в основном напостовцы: Л.Авербах, А.Зонин, В.Киришон, Ю.Либединский, В.Сорин, А.Фадеев и др. Раскольников говорил о том, что «нужно политизировать» журнал [7, с.272, 273].

Сразу после своего ареста в январе 1929 г. Воронский отправил наркому Рабоче-крестьянской инспекции и председателю ЦКК Серго Орджоникидзе заявление, в котором сообщал, что в активной оппозиционной деятельности (а подразумевалась нелегальная работа²) участия не принимал. Но он не отрицал свое вхождение в круг оппозиции.

² 24 января 1929 г. в «Правде» и «Известиях» было опубликовано сообщение ТАСС об

В самом конце января 1929 г. в помещении ОГПУ Ем.Ярославский полтора часа говорил с Воронским, как было им сказано в письме, обращенном к Г.К.Орджоникидзе и И.В.Сталину, «согласно данного мне поручения». Ярославского волновал один вопрос, принимал ли Воронский участие в подпольной работе оппозиции или нет. Пересказывая их разговор, Ярославский отмечал:

Он заявил, что если можно ему предъявить какие-нибудь обвинения в том, что он вел работу у троцкистов, то его отношение можно было бы характеризовать словами: «Воронский сбоку помогал троцкистам»; он заявил, клянясь именем Ленина и всем своим большевистским прошлым, что он ни в подпольный политический центр, ни в контрольную комиссию не входил и не организовывал никакой контрольной комиссии; что он припоминает случай, когда к нему обратился некий Стопалов³ (эту фамилию он подтвердил после напоминания ему), который рассказал ему об обвинениях троцкистов по отношению к нему, Стопалову, что он является агентом ОГПУ. Воронский отказался с ним разговаривать [7, с.280].

Возник вопрос о «Красном Кресте» оппозиции. Воронский не скрыл, что помогал этой организации и что «в такой помощи нет ничего плохого». Ярославский оценил честность Воронского:

Он разделяет взгляды троцкистов, как они изложены в платформе, хотя у него по ряду вопросов (он не считает удобным об этом говорить в условиях заключения ГПУ) существуют разногласия. Он не разделяет, например, ни призывов к стачечной борьбе, ни других таких же методов работы. Он даже не знаком с литературой, которая выходила у троцкистов, кроме одной–двух листовок и нескольких писем. Он ни с кем не вел политической переписки, это может удостоверить ОГПУ [7, с.281].

В итоге Ярославский констатировал:

Я ознакомился со всеми материалами, которые имеются в деле Воронского в ГПУ, и прихожу к выводу: подвергать его строгой изоляции нет никакой необходимости. Достаточно будет, если он будет выслан из

аресте 150 человек, входивших в «нелегальную троцкистскую организацию». Среди них был А.К.Воронский.

³ Григорий Михайлович Стопалов (1900–?), во время гражданской войны был в подполье у Деникина, затем закончил Институт красной профессуры, автор ряда научных трудов, числился оппозиционером, в 1932 г. Особым совещанием при ОГПУ по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР приговорен к трем годам лагерей.

Москвы не в промышленный район, примерно в Липецк Тамбовской губернии, так как Воронский очень больной человек [7, с.282].

Сразу после возвращения из ссылки Воронский завершает публикацию романа «За живой и мертвой водой» в *Новом мире*, публикует роман «Глаз урагана» в журнале *Звезда*, «Героические новеллы» (в *Новом мире*), пишет для серии ЖЗЛ книги, посвященные Желябову и Гоголю.

12 марта 1930 г. Воронский обратился в ЦК ВКП (б) с заявлением в ответ на публикацию в газете *Комсомольская правда* статьи М.Гребенникова под названием «Непогребенные мертвецы», посвященной «Перевалу» и перевальцам.

...автор утверждает, будто я проповедовал политическую нейтральность в искусстве, аполитичность, бессмысленность идеологического воздействия на художников, искусство для искусства, уход в мир грез и т.п. В заключение он заявляет, что мои теоретические работы отражают «взгляды антисоветской стихии на литературу». Содружество писателей «Перевал» называется им «реакционнейшей литературной группировкой», кулацкой, нэпмановской, дворянской, за что главная вина возлагается опять же на меня [7, с.283].

Эта литературная группа была создана им в 1924 г. Она объединяла как коммунистов, так и попутчиков. По мере сил перевальцы старались противостоять натиску напостовцев. С 1924 по 1932 г. было выпущено 8 сборников. Отделения «Перевала» были в Одессе, Киеве, Ленинграде, Минске, Баку и других городах. Численность литературной группы достигала в 1926–1928 гг. тысячи человек. В основной костяк входили писатели И.Катаев, Н.Зарудин, П.Слетов, Р.Акульшин, А.Мальшкин, В.Наседкин, А.Новиков, Е.Вихрев, Н.Замошкин, Д.Горбов, Б.Губер. В разное время в «Перевал» входили поэты И.Приблудный, М. Голодный, М.Светлов, Э.Багрицкий, прозаики А.Веселый, И.Евдокимов, Н.Огнев, И.Касаткин, М.Миров, Е.Тагер и др. [9; 11].

13 сентября 1927 г. члены «Перевала» в письме, направленном в Отдел печати ЦК ВКП (б), сообщали, что они отказываются сотрудничать с журналом *Красная новь* после ухода из него Воронского. Причина была понятна – приход напостовцев в руководство журнала. Когда вышла статья М.Гребенникова, члены «Перевала» направили письмо «Против клеветы», опубликованное в *Литературной газете* 10 марта 1930 г. В составе «Перевала» еще оставались И.Катаев, Б.Губер, А.Новиков, А.Мальшкин, Н.Зарудин, П.Павленко, Д.Горбов, П.Слетов, Е.Вихрев, Н.Смирнов, С.Пакентрейгер, Г.Глинка, Н.Замошкин, В.Кудашев. 17 марта 1930 г. в той же газете был опубликован уже раз-

вернутый ответ перевальцев на статью *Комсомольской правды*. Она называлась «И др., и пр., и т.д.» и содержала подробный перечень всех передернутых цитат из перевальских сочинений. Но в том же номере была опубликована статья М.Бочачера «Гальванизированная воронщина (о "Ровесниках")». 14 и 21 апреля 1930 г. в *Литературной газете* увидела свет декларация перевальцев, принятая на общем собрании. 21 апреля в том же номере публиковалась статья с названием «Конец "Перевала"» [2, с.327, 340, 347].

30 апреля 1930 г. о «Перевале» прошла дискуссия в стенах Коммунистической академии. Героически сопротивлялись идеологическим нападкам А.Лежнев, Д.Горбов и П.Слетов⁴.

В сборнике «Ровесники» за 1930 г. был напечатан своеобразный манифест «Перевала», автором которого стал А.Лежнев. Несмотря на огромное давление со стороны напостовцев, «Перевал» стремился выстоять и даже сформулировать свое *credo*. Лежнев прямо указывал, что «Перевал» *остался тем же* – «сохранил свою первоначальную литературно-общественную установку» [8, с.5]. Более того, Лежнев напомнил критикам: то, о чем писали перевальцы, стало признаваться в советской литературе как явление, совсем не чуждое пролетарской культуре. Например, необходимость психологизма, «живого человека», преодоления бытовизма и схематизма⁵.

Одно из главных положений «Перевала» – требование искренности художника. Это не моральное требование, а художественная проблема.

---

⁴ В «Резолюции секции литературы и искусства Коммунистической академии о содружестве писателей "Перевал" перевальцам припомнили все прошлые обвинения. Им были вменены в вину связь с Воронским, троцкизм, "неокантианство и бергсонизм", "интуитивизм в сочетании с наивным реализмом", атака на теорию классовой борьбы, противопоставление искренности "классово-политической направленности творчества", апология "избранничества" (моцартианство), "новый гуманизм" (он был расценен как намеренное противопоставление "в дни жесточайших классовых битв" "борющемуся классовому человеку пролетариата – человека вообще, человека с большой буквы, "живого человека"» [2, с.350].

⁵ Однако Г.А.Белая сомневалась в том, что это усвоение случилось на самом деле: «Общность терминологии – "живой" человек – создавала иллюзию близости в постановке проблемы между рапповцами и перевальцами. Рапповцы, казалось, писали о том же... И все же близость была иллюзорной. Даже будучи увлечены новой проблемой, рапповцы оставались в пределах схематического рационализма...» [2, с.194].

«Перевал», как считал Лежнев, постепенно превращался в школу-направление со своей философией искусства. Главное в этой философии – моцартианство, противостоящее волнам сальеризма, своеобразной левовской «фактографии», которая проявляется в «рассудочном творчестве конструктивистов, в рационалистических теориях ряда критиков». Лежнев определял моцартианство через публикуемую повесть П.Слетова «Мастерство».

Однако, по мысли Лежнева, моцартианство не отрицает сальеризма, оно преодолевает его: «Оно мыслимо лишь при наличии художественной, эстетической культуры» [8, с.15].

Итак, кредо перевальцев заключалось в искусстве видеть непосредственно, искренне. Это не наивный реализм и не старый натурализм, а смелость художника, который открыт для восприятия трагедийного начала в жизни. «Это такое искусство, в котором невозможны Жаровы и Безыменские». Ибо они не видят «основные конфликты эпохи» и боятся вступить в противоречие с общепринятым мнением. Трагедийное искусство – «большое, серьезное искусство, чуждое дешевого благополучия и чиновничьей благонамеренности, не старающееся покрыть все розовым лаком идиллии, поскорее примирить непримиримое и дать восторжествовать неизбежной добродетели. И если оно радостно, его право на радость куплено дорогой ценой» [8, с.18].

Эти мысли по-прежнему коренились в политической установке, что эпоха социализма – творческая эпоха, созидательная, она ведет «к уничтожению классов».

В апреле 1929 г. Сталин произнес речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) «О правом уклоне». В ней он поднял вопрос об «обострении классовой борьбы» и новом периоде реконструкции всего народного хозяйства на «базе социализма». Поскольку речь шла о Шахтинском деле (1928), о вредительстве инженеров, интеллигенции, то это был по существу знак к началу кампании по разоблачению и в области искусства, литературы.

Стилистика упомянутого заявления Воронского в ЦК ВКП (б) по поводу статьи Гребенникова отражает в себе разлом психологический, временной, культурный. Это различие целых эпох, крайнее несоответствие внутренних задач партии, взявшей курс на построение социализма в отдельной стране и на усиление классовой борьбы внутри страны, с задачами «Перевала», исходившими из идеи *мирного переустройства* старой культуры. Воронский пытался приспособить себя к новому сталинскому времени.

Но он уже плохо понимал ситуацию и не видел происходивших изменений⁶. Воронский искренне считал, что советской культуре нужен Гоголь. И даже написал книгу о нем. И она была даже отпечатана в 1934 г. Но книге не дали увидеть свет – тираж почти полностью уничтожили. То, что это произошло несколько позже написанного заявления, суть дела не меняет: Воронский переставал быть созвучным политике партии, ибо теперь общая логика событий обретала напостовскую смысловую ауру, внутри которой он не мог полноценно существовать. Оставалось только оправдываться:

Несколько замечаний о содружестве писателей «Перевал». Это содружество считаю в значительной мере призванным заменить расстроенные, поредевшие ряды старых попутчиков. Писатели «Перевала» ближе к революции, органичнее воспринимают ее. Они не обросли ни договорами «на полные собрания сочинений», ни дачами, ни домами, ни мебелью, ни «славой». За последние годы они много учились и научились. Их успехи в художественном мастерстве очень значительны. Работа их в поисках нового жанра, стиля, динамического образа заслуживает серьезнейшего внимания. Но, несомненно, что рост мастерства среди перевальцев отстает от их политического роста. Это сознают и перевальцы. Многие из них были командированы партией и советскими учреждениями в колхозы и другие места... [7, с.286]

Воронский благородно предложил никак не связывать деятельность «Перевала» с его биографией политического деятеля. Литературный процесс – это одно, а политическая борьба – это другое:

Критический обстрел «Перевала» усилился с моим возвращением в Москву, так как содружество «страдает» во многом из-за меня. Считаю нужным сказать о своей истинной роли в «Перевале». Писатели «Перевала» действительно разделяют многие основные положения моих литературных взглядов, но не несут никакой ответственности за ряд отдельных моих утверждений, ни тем более за мою былую принадлежность к оппозиции, как не несли ее в свое время попутчики» [7, с.287].

Воронский верил, что, обратившись в ЦК, он сможет убедить руководство в правоте своих слов, в том, что ни «Перевал», ни он сам никогда не занимались антисоветской деятельностью. Он признался в своем

---

⁶ Не только Воронский, но и другие перевальцы, как писала Г.Белая, «действительно не понимали, что идет истребление человечности, гуманизма, народа, культуры. Они не видели, что уже находятся почти в полной пустоте» [2, с.343].

заявлении, что не понимает, почему с ним и с «Перевалом» идет такая жесткая борьба: «Мне не совсем ясна цель этой борьбы» [7, с.288].

Он вновь был исключен из партии (15 марта 1935 г.). Суть обвинения партбюро ГИЗа сводилась к следующему:

За организованную помощь в 1931 г. писателю Мирову, сосланному за антисоветскую пропаганду, за отказ сообщить фамилии участников этой помощи и скрытие факта этой помощи на чистке 1933 г., на партсобрании при обсуждении письма ЦК и на заседании парткома, за сокрытие своих связей (уже после ареста Зиновьева и Каменева) с арестованным по делу убийства т. Кирова – Зориным, за обман партии – исключить... [7, с.274].

19–20 марта 1935 г. он написал заявление в КПК при ЦК ВКП (б), в котором не соглашался с решением Бюро Октябрьского райкома об исключении его из партии.

Я, действительно, в начале 1931 года оказал материальную поддержку начинающему писателю-анархисту Мирову. Я признал и признаю, что совершил тогда преступление, поддавшись сообщениям, будто его семья находится в нужде, но я прошу принять во внимание, что эта помощь, оказанная четыре года тому назад, была единичным актом. Больше я никому из ссыльных никакой помощи не оказывал. Не могу признать правильным обвинение в том, что я намеренно скрыл эту помощь Мирову при чистке. Я забыл об этом факте. Когда в феврале с.г. в парткоме спросили, не оказывал ли я денежной помощи ссыльным, я припомнил этот факт уже дома при посредстве родных и немедленно сообщил об этом секретарю ячейки. Забвение свое я объясняю тем, что встреча с Мировым у меня была давно; с тех пор я совершенно потерял его из виду. К тому же Миров к организованной оппозиции не принадлежал, будучи анархистом. Мое знакомство с Зориным носило преимущественно житейский и литературный характер. По возвращении в партию я решительно порвал с оппозицией, в редких случаях встречаясь только с такими из бывших оппозиционеров, относительно которых я полагал, что они действительно отошли от оппозиции. Я допустил и в этом ошибки, не обнаружив должной бдительности. В значительной мере этот недостаток бдительности зависел от моих увлечений художественной деятельностью. Ко мне обращались как к специалисту по художественной литературе (что нового в литературе? Читали ли вы такой-то роман, статью?), и я обычно легко соскальзывал на разговоры, посвященные исключительно литературно-художественным темам [7, с.289].

В этом заявлении Воронский стал признавать то, чего не признавал раньше, – ответственность «за все оппозиционные действия», в том числе за организацию подпольной троцкистской деятельности. Те или иные привычные дела оппозиции со временем, под воздействием сталинской пропаганды, стали восприниматься как преступление⁷, и даже обычная поездка в другой город, к тем, кто разделял публичные взгляды оппозиции (какое же это подполье?), превращалась в «подпольную» деятельность. Воронский подверг критике собственные политические взгляды (и свое неверие в победу социализма в отдельной стране, которое порождало и неверие в пролетарскую культуру). Но трудно сказать, насколько эти слова были искренними. Нелегко представить, что Воронский поверил Авербаху!

Я примкнул к оппозиции в 1923 г., давши свою подпись под заявлением 46-ти оппозиционеров. Я несу ответственность за все оппозиционные действия: за подачу антипартийных деклараций, выработку платформы, организацию фракций и групп, за выступления на собраниях, за демонстрации, наконец, за организацию троцкистского подполья. Разделяя в прошлом взгляды оппозиции, лично я особое значение придавал вопросу партийной и советской демократии. Мне казалось, что в партии все больше и сильнее побеждает бюрократизм, точно так же эту победу я видел и в советском аппарате. Именно отсюда в значительной, хотя, конечно, и не исключительной, мере проистекло мое неверие в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Работая на литературном участке, я разделял взгляды Троцкого, что в эпоху диктатуры пролетариата о создании социалистической культуры не приходится говорить, так как пред Советской страной стоит вопрос не о создании такой культуры, а о воспитании «боевых» качеств в рабочем и крестьянине. Эта точка зрения вела меня к переоценке попутнической литературы и к недооценке ее социалистического сектора [7, с.290].

Однако, как следует из заявления, Воронский поверил Сталину.

Помогла этому и личная беседа с товарищем Сталиным. Я стал убеждаться, что социализм в Стране Советов становится непреодолимым фактом, что строительство в промышленности, начавшаяся тогда коллективизация и разгром кулачества как класса подводят прочный фундамент под социализм. ...И я убедился, что деятельность оппозиции носила и носит контрреволюционный характер и что партруководство,

---

⁷ Согласно энциклопедической справке 1935 года деятельность «Перевала» однозначно отождествлялась с троцкизмом [2, с.352].

возглавляемое ЦК и товарищем Сталиным, есть истинное ленинское руководство [7, с.291].

То зло, о котором Воронского предупреждал Евгений Замятин в 1922 г., пришло не извне. Оно возникло внутри, – Воронский и сам не заметил, как трансформировался в придаток и жертву карающего механизма «Мы». Отвечая Замятину, он не догадывался и не мог еще знать тогда, что неприятие замятинского романа станет причиной его гибели, и не только его одного, но целого слоя умных, одаренных, талантливых людей: «...подавить *беспощадно все* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), что идет от маленького зверушечьего сердца, *от личного, ибо временно оно вредит*, мешает борьбе, мешает победе. Все – в одном – только тогда побеждают» [6, 122].

«Уверен, что под руководством <...> ленинского ЦК и товарища Сталина Страна Советов и дальше неуклонно пойдет по пути утверждения социалистического общества» (Цит. по: [7, с.275]).

В марте 1936 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) подтвердила исключение из партии Воронского [7, с.275].

На суде он вел себя мужественно, честно говорил о невиновности своих друзей-перевальцев.

13 августа 1937 г. расстрельный приговор приведен в исполнение.

Ниже публикуется отрывок из следственного дела А.К.Воронского (1937), который 25 июля 1995 г. передала в РГАЛИ внучка Воронского, Татьяна Ивановна Исаева, получившая доступ к материалам архива ФСБ (Р-8253). Этот отрывок из показаний Воронского (в виде ксерокопии) был включен в его личный фонд [1].

В настоящее время доступ к следственным делам литературной группы «Перевал» в архиве ФСБ России временно закрыт. Поэтому особую ценность имеет хранящийся в РГАЛИ отрывок из Следственного дела, в котором Воронский весьма подробно описывает свое участие в литературной жизни страны и «Перевала» в частности. Несмотря на обвинительную тональность самого дела, излагаемые сведения не противоречат в целом тому, что нам известно [10, с. 37, 41, 42, 44, 45, 49, 50, 56, 66, 74, 98, 105, 109, 129, 178, 250, 387, 534, 545, 549, 598, 605, 630, 651–653, 656, 657, 662, 688, 731]. Надо полагать, что Воронский не унижался до вранья или клеветы. Но общий настрой 1937 года ощущается в признании им вины за «троцкистскую деятельность», хотя в описываемое время эта деятельность не была ни преступной, ни запрещенной.

В публикуемых текстах подчеркивания оригинала сохраняются.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА А.К.ВОРОНСКОГО (1937)

№1. О «Перевале»

Литературная группа «Перевал» организовалась вокруг журнала «Красная Новь» в конце 1924-го и в начале 1925 года. В нее вошли коммунисты-писатели и беспартийные. По возрасту состав тоже был пестрый, от маститого М.М.Пришвина до комсомольских поэтов Голодного⁸ и Светлова⁹. Первоначально преобладающую роль в «Перевале» играли, помимо меня, Огнев¹⁰, Малашкин¹¹, Евдокимов¹², Артем Веселый¹³, Голодный, Светлов, Наседкин¹⁴, Акульшин¹⁵, Дружинин¹⁶, Зарудин¹⁷ и др. «Перевал» организовывался в борьбе с напостовцами. Основные положения, которые он отстаивал, сводились к следующим пунктам:

- 1) Специфика искусства заключается в эстетическом¹⁸ познании жизни;
- 2) Искусство тем совершеннее, чем оно непосредственнее и конкретнее.
- 3) Искусство и революция должны сочетаться органически, а не механически.
- 4) Классовость искусства не исключает, а сплошь и рядом включает объективность.

⁸ М.С.Голодный (1903–1949), поэт, переводчик, автор поэм, баллад, песен. Погиб при невыясненных обстоятельствах (сбит машиной).

⁹ М.А.Светлов (1903–1964) – писатель, поэт. Драматург, лауреат Ленинской премии (посмертно).

¹⁰ Николай Огнев (Михаил Григорьевич Розанов, 1888–1938) – русский советский писатель. Умер своей смертью.

¹¹ С.И.Малашкин (1888–1988) – русский советский прозаик, поэт.

¹² И.В.Евдокимов (1887–1941) – русский советский писатель, искусствовед.

¹³ Артем Веселый (Николай Иванович Кочуров, 1899–1938) – русский советский писатель, расстрелян.

¹⁴ В.Ф.Наседкин (1895–1938) – русский советский поэт, расстрелян.

¹⁵ Р.М.Акульшин (1896–1988) – русский советский прозаик (псевдоним – Березов) поэт, драматург, христианский писатель в эмиграции (второй волны).

¹⁶ П.Д.Дружинин (1890–1965) – русский советский поэт, литератор.

¹⁷ Н.Н.Зарудин (1899–1937) – русский советский поэт и прозаик, расстрелян.

¹⁸ Слова «в эстетическом» подчеркнуты волнистой линией.

5) Голая тенденциозность и преднамеренность вредит искусству.

6) Изучение классиков не есть только изучение памятников прошлого; они, классики, до сих пор и еще долго будут иметь живое, действующее значение.

7) Надо изображать живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, избегать штампов, агитплакатности и т.п.

8) Надо учитывать, что страна Советов все еще является по преимуществу страной крестьянской и потому удельный вес попутчиков и крестьянствующих писателей продолжительное время весьма будет значительным, а пока и определяющим. Пролетарское искусство пока слабее искусства попутчиков.

9) Классовость в искусстве отнюдь не противоречит гуманизму.

К этим и другим подобным положениям, которые развивались мною, я присоединил еще один важный пункт под влиянием статей Троцкого о том, что в переходный период диктатуры пролетариата невозможно пролетарское искусство, как в момент, когда преобладают чисто боевые задачи; в период же социалистического строительства речь будет идти уже не о пролетарском, классовом искусстве, а об искусстве бесклассовом, социалистическом. Этот тезис, однако, разделялся не всеми перевальцами. Например, его не разделял А.Лежнев и, кажется, Катаев, а также Светлов и Голодный. В 1924–1926 гг. «Перевал» быстро разрастался и крепнул, включив в себя до 60–65 писателей и поэтов серьезной литературной квалификации.

В период 27–28 годов в «Перевале» в известной его части усилились троцкистские настроения: я, Артем Веселый, Н.Зарудин, Светлов, Голодный считали себя троцкистами. (54)

Внутри «Перевала» не была организована особая троцкистски оформленная ячейка, но группировка имела, велись разговоры в троцкистском духе, оказывалась денежная помощь, кроме того, работали в объединенной организации троцкистов¹⁹. Сказывалось влияние и на литературном участке. Но «Перевал» в целом каких-либо определенных троцкистских действий как организация не предпринимал, помимо отмеченной мною выше работы троцкистской группировки. Интересы литературные, специально относящиеся к искусству, все же преобладали. Происходило это потому, что одни из писателей и поэтов, являясь беспар-

¹⁹ *Объединенная оппозиция – название политического течения внутри РКП (б) и ВКП (б) в конце 20-х гг. Руководителями ее были: Л.Троцкий, Е.Преображенский, К.Радек, И.Смирнов, Л.Сосновский, Г.Зиновьев, Л.Каменев, Н.Крупская.*

тийными, сторонились той борьбы, которая велась тогда в партии и в стране, другие только что начинали свое литературное поприще и были поглощены своими первыми шагами и теми вопросами, которые находились в связи с художественным творчеством. Вот почему литературные собрания и вечера ограничивались обсуждением повестей, рассказов, докладам[и] по вопросам критики, и это не было прикрытием или «дымовой завесой», а настоящим содержанием жизни «Перевала». К тому же ожесточенная борьба с ВАПП²⁰ и РАППом²¹ продолжалась и тоже поглощала чрезвычайно много внимания. В подтверждение высказанного могу сослаться на следующий факт. Летом 1929 года ко мне в ссылку приехала группа перевальцев: (54 об.) А.Лежнев²², Ив.Катаев²³, Слетов²⁴, Губер²⁵. Между беседами и разговорами, которые тогда велись в Липецке, не было ни одного чисто политически троцкистского. Говорили о том, как, из какого материала составить сборник «Ровесники»²⁶, как вести дальше на лит[ературном] фронте борьбу с напостовцами, следует ли входить в лит[ературную] группу «Тридцатые годы», которую намечал тогда Бор. Пильняк, и т.д., но не говорили о правильности или неправильности генеральной линии, или троцкистской платформы. Само собою понятно, что я продолжал оставаться тогда троцкистом.

К тому времени, т.е. к концу 29-го и в начале 1930-го года, из «Перевала» вышли Мих.Голодный, Светлов, присоединившись к РАППу и решительно порвав с «Перевалом». Вышли и другие писатели: Евдокимов, Огнев, Артем Веселый, Ив.Касаткин; Наседкин и Дружинин были исключены, как несоответствующие «Перевалу» по своим творческим установ-

---

²⁰ ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, была утверждена в Наркомате просвещения в 1921 г. в качестве головной литературной организации. Руководителями в разные время были: В.Кириллов, Л.Авербах, Ю.Либединский, Г.Лелевич и др. С 1926 г. ВАПП издавала журнал «На литературном посту», продолжая борьбу с лефовцами, попутчиками, А.К.Воронским.

²¹ РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературное объединение, было образовано в 1925 г. Генеральным секретарем стал Л.Авербах. В объединении насчитывалось около 4 тысяч членов.

²² А.З.Лежнев (1893–1938) – советский публицист, критик, литературовед, один из главных идеологов «Перевала». Расстрелян.

²³ И.И.Катаев (1902–1937) – русский советский писатель, расстрелян.

²⁴ П.В.Слетов (1897–1981) – русский советский писатель.

²⁵ Б.А.Губер (1903–1937) – советский прозаик, критик.

²⁶ Имеется в виду седьмой сборник «Перевала» (1930) с названием «Ровесники».

кам. Потом отошли Малышкин²⁷, Павленко²⁸, Пришвин. По возвращении моем в Москву «Перевал» продолжал драться с ВАППом и РАППом еще более ожесточенно, и в 1930–31 годах эта борьба достигла своего апогея, причем ВАПП имел явный перевес в журналах, в прессе, в издательствах, средства же «Перевала» были ограничены. Литературные собрания продолжались. Они не носили троцкистского характера. Часть из них происходила у Павленко, непричастного к троцкизму, часть у Катаева, тоже не являвшегося троцкистом, часть происходила открыто в помещениях союза. Очень большое внимание было уделено, помимо ВАППа, так называемому движничеству, творческому направлению, которое во главу угла ставило динамизм образов, языка, стиля, их психологизм; обсуждалось отношение динамизма к диалектике и т.д. Разговоры и беседы троцкистского порядка, имевшие место в 1927–28 гг., прекратились ввиду отхода от троцкизма меня, Зарудина, ухода из «Перевала» и отходов Голодного, Светлова, Артема Веселого. Недовольство литературным положением «Перевала» и перевальцев высказывалось и мной, и другими перевальцами; хотели иметь свой журнал, выпускать свои сборники, высказывать перевальские положения, жаловались на зажим Главлита, а больше на зажим со стороны ВАППа, который преследовал перевальцев во всех редакциях и издательствах, снимая их статьи, рассказы, повести.

К 30-му году или к началу 31-го относится помощь анархисту Мирову и вхождение в «Перевал» троцкиста Малеева²⁹; к лету 1932-го года относится мой выпад у меня на вечере в присутствии некоторых перевальцев против темпов коллективизации, когда я заявил, что благодаря непосильным темпам колхозы разваливаются. Выпад этот был сделан в нетрезвом виде, и на другой день я передал перевальцам, что считаю его вредным. (55 об.)

Весной 1932-го года существование ВАППа и РАППа было признано Ц.К. нецелесообразным и их организации были распущены. Дальнейшее

²⁷ А.Г.Мальшкин (1892–1938) – русский советский писатель, один из классиков «социалистического реализма».

²⁸ П.А.Павленко (1899–1951) – русский советский писатель и сценарист, лауреат четырех Сталинских премий, член РКП (б) с 1920 г.

²⁹ М.В.Миров и И.А.Малеев, члены литературной группы «Перевал», были в 1928 г. приговорены к трем годам ссылки; в 1932 г. их снова арестовали. Мирову отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала (летом 1937 г. тройка НКВД приговорила его к расстрелу), а Малеева – в Семипалатинск, где он, вероятно, и погиб [4, 318–319, 767].

существование творческих группировок хотя официально и не запрещалось, но в печати все чаще высказывались мнения, что и они пока нецелесообразны. И роспуск ВАППа, и эти мнения ускорили момент, когда «Перевал» решил ликвидировать себя. К тому же внутри «Перевала» стали обнаруживаться дальнейшие выходы из него, а также и разногласия. Так, например, я возражал против отождествления «движничества» с диалектикой, на чем настаивали Зарудин и Слетов. Мне, далее, казалось, что Зарудин, да и Катаев во многих серьезных пунктах отходят от основных перевальских литературных установок. Было также заметно, что перевальцы тяготеют к дальнейшему пребыванию в «Перевале», которое им мешало печататься, издаваться, преуспевать в литературе. Продолжались также нападки на «Перевал» со стороны многих критиков, особенно из бывших рапповцев. Вот основные причины, почему «Перевал» осенью 1932 года ликвидировал себя как организацию. Ко мне многие перевальцы продолжали дружески относиться; дружили между собой Зарудин, Губер, Катаев. Другие же перевальцы совсем стали жить отдельной жизнью. Мы еще продолжали встречаться друг с другом, но все реже и реже.

За два года 35-й и 36-й я совсем, например, не виделся с Катаевым, с Губером, один раз случайно встретился на улице с Зарудиным; изредка виделся с Лежневым и с Горбовым. Категорически отрицаю, что за последние годы «Перевал» стал перерастать в троцкистскую организацию. Наоборот, с осени 1932 года связь между бывшими перевальцами все сильнее ослабевала и мы все больше теряли друг друга из виду. Ни литературных, ни политических директив и установок я бывшим перевальцам не передавал и часто даже не знал, как и чем живут Катаев, Губер, Зарудин. Я вообще удалился от дел литературно-политического порядка и в соответствии с этим не пытался гальванизировать «Перевал» ни явным, ни тайным образом. У меня с бывшими перевальцами за последние годы не было ни одной сколько-нибудь значительной политической беседы, тем более не было разговоров троцкистского порядка. Я считал также, что Ив. Катаев ни в какой мере не является троцкистом, а связь его с Малеевым я рассматривал со стороны литературно-творческой. Мне также казалось, что Зарудин и Губер сделали решительные шаги в сторону генеральной линии. Казалось мне это благодаря их печатным вещам, а также благодаря высказываниям.

В «Перевале» был «либерализм» у таких лиц, как Катаев, были шатания и колебания даже и после отхода от троцкизма, как у меня. На «Перевал» наложил свой отпечаток помянутый тезис Троцкого об искус-

стве, была переоценка попутчиков и недооценка пролетарского сектора, было недовольство литературными делами, не могли пройти бесследно годы 1927–28-й, но «Перевал» сейчас не существует как организация, – не существует фактически, тем более, повторяю, он не является троцкистской подпольной организацией. На следствии мне, между прочим, было предъявлено обвинение, что я давал перевальцам, Зарудину и Губеру, совет «отсидеться». Такого совета я не припоминаю. Но я мог его дать, однако, в том единственном смысле, что надо сидеть и трудиться, несмотря на нападки критики, на неудачи издательского порядка, что положение на литературном участке улучшится, что все «образуется», а совсем не в том смысле, что надо ждать смены партруководства и пришествия троцкистов. Такая «установка» мне чужда. Не считая эти свои показания исчерпывающими, я надеюсь в будущем внести соответствующие дополнения.

А.Воронский

19–25/II – 37 г.

P.S. В каком виде сказывалось влияние троцкистской группировки «Перевал» на писателей в годы 27–28-ой? Я оказывал троцкистское воздействие на Голодного, Светлова, Артема Веселого, Зарудина. Припоминаю свой разговор в конце 1927-го года с ленинградским писателем С.Семеновым, коммунистом. Я убеждал его в справедливости платформы, но положительных результатов не достигнул. Вел такие же разговоры с Багрицким, который, оставаясь равнодушным к платформе, романтизировал личность³⁰ Троцкого. Попытки воздействия в троцкистском духе на таких сложившихся писателей, как Огнев, Евдокимов, Малышкин, Павленко и др., тоже не привели к положительным результатам. Наоборот, эти и другие писатели насторожились и стали отходить от «Перевала». Среди беспартийных писателей, да и партийных, было, однако, сочувствие в делах литературных так называемой воронщины, а следовательно, и литературному троцкизму в той части, где она, воронщина, соприкасалась с троцкизмом (было много и отличного от троцкизма). Делались также попытки привлечь к троцкизму молодых, начинающих поэтов и писателей, входивших в «Перевал», вроде Скуратова и других, но тоже без положительных результатов. Повторяю, что оказывалась денежная помощь троцкистам, особенно через Вяч. Полонского. Голодный и Светлов рассказывали мне о концертах в пользу троцкистов, на которых они выступали. Планомерного, однако, воздействия на писате-

---

³⁰ *Далее зачеркнуто: «т.».*

лей со стороны троцкистов в «Перевале», как группировке, не было. Дело в том, что Голодный, Светлов, Артем Веселый, Зарудин враждовали друг с другом поэтически, резко расходясь во многих творческих установках, нередко ссорились друг с другом, и это накладывало свой отпечаток на их действия. Кроме того, вообще интересы литературные преобладали. Поэтому-то эта группировка вскоре и рассыпалась. Распад ее завершился отходами от троцкизма ряда писателей.

Возвращаясь к деятельности «Перевала» за годы 30–36-й, считаю нужным упомянуть про ленинградское отделение, в которое входили Елена Тагер³¹, Куклин (писатель)³², Спасский³³, Гуковский (молодой)³⁴. Из них я ближе знаком был с Еленой Тагер. Встречался я с ней главным образом во время ее приездов в Москву по ее личным литературным делам и по делам союза писателей, обычно не чаще в среднем одного-двух раз в год. За годы 34–36 виделся однажды. Общение мое с ней носило исключительно литературный характер. Я ценил ее как автора чрезвычайно талантливой книги рассказов о севере «Зимний берег», сочной по колориту, быту и словесному оформлению. Тагер разделяла мои литературные взгляды. Никаких подпольных троцкистских дел у меня с нею не было. Не было дел и литературно-политических. Вообще за последние годы, т.е. с того времени, как «Перевал» распустил себя, у меня с бывшими перевальцами не было ни одного совместно-литературного предприятия, не говоря о предприятиях подпольных троцкистского характера. В «Правде» и в «Лит[ературной] газете» я прочитал в свое время заметки; в одной из них говорилось, будто бы Пильняк затевал журнал, а за Пильняком стояла моя тень. Это ни в какой мере не соответствует действительности: с Бор. Пильняком я не виделся больше года и ни о каком журнале с ним я вопросы не обсуждал. Писалось также, что кое-кто из перевальцев начал хлопотать о сборниках или о журнале. Об этом я тоже ничего не знал и не знаю. Никто из них не вел со мною никаких переговоров ни о сборнике, ни о журнале.

---

³¹ Е.М.Тагер (1895–1964) – русский прозаик, поэт, мемуарист.

³² Г.О.Куклин (1903–1939) – русский советский прозаик, детский писатель. Репрессирован.

³³ С.Д.Спасский (1898–1956) – советский драматург, прозаик, переводчик, литературный критик.

³⁴ Г.А.Гуковский (1902–1950) – советский литературовед, филолог, критик, специалист по истории русской литературы XVIII в., был близок формалистам.

Заявляю также, что никогда ни с кем из перевальцев я не вел разговоров в том смысле, что надо возобновить деятельность «Перевала», тем более подпольно; или что надо сменить партруководство, и для этого следует возобновить троцкистскую работу. Никто от меня из них и из других лиц, с которыми я встречался, не слышал разговоров и в духе новейших «установок» Троцкого, ибо я узнал о них из процессов и не мог не отнестись к ним с враждебностью и ненавистью.

А.Воронский

№ 2. Показания А.Воронского о троцкистской деятельности до 1932 года

Я примкнул к троцкизму в 1923-м году, подписав заявление сорока шести³⁵. Заявление это я подписал у Л.Серебрякова³⁶. Я не входил тогда ни в одну троцкистскую организацию и не принял участия в той борьбе, которая развернулась потом в московских районах. Произошло это не потому, что я не был достаточно связан с троцкистами. Наоборот, начиная с Троцкого, я постоянно встречался с виднейшими троцкистами, с Пятаковым³⁷, Преображенским³⁸ и другими. Но я был увлечен борьбой с

³⁵ В октябре 1923 г. так называемая «левая оппозиция» подписала «заявление 46-ти», обращенное к членам ЦК и ЦКК РКП (б), в котором выражалось несогласие с проводимой политикой партии на бюрократизацию государственного аппарата, установление фракционной диктатуры, подавление всякого инакомыслия. Октябрьский пленум ЦК и ЦКК РКП (б) осудил это заявление Троцкого, Преображенского, Пятакова, Радека и др. подписавших заявление.

³⁶ Л.П.Серебряков (1888–1937) – большевистский деятель, участник т.н. «левой оппозиции». Работал в аппарате НКПС РСФСР (СССР), был председателем Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности, заместителем наркома. Подписал «заявление 46-ти», подписывал и другие документы оппозиции, в декабре 1927 г., на XV съезде ВКП (б), был исключен из партии в числе других 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции».

³⁷ Г.Л.Пятаков (1890–1937) – большевистский деятель, зам. председателя Госплана РСФСР, председатель Главного концессионного комитета, с 1923 г. зам. председателя ВСНХ. В 1923–1927 – член ЦК ВКП (б), в 1927 г. торгпред во Франции, в 1928–1929 гг. руководитель Государственного банка СССР, участник «левой оппозиции». Расстрелян.

³⁸ Е.А.Преображенский (1886–1937) – большевистский деятель, экономист, социолог, один из руководителей международного коммунистического движения. В 1921–1924 гг. председатель Финансового комитета ЦК РКП (б) и СНК РСФСР, в 1924–1927 гг. зам.

напостовцами и отдавал время этой моей деятельности. Однако я при встречах вел троцкистские разговоры и старался убедить в правильности троцкизма. Меня предостерегали. Однажды Орджоникидзе, Ворошилов и Фрунзе явились ко мне на квартиру и долго убеждали меня снять подпись с заявления «46», я не внял их уговорам. В моей литературной деятельности я развил троцкистский тезис о невозможности пролетарской литературы в переходный период диктатуры пролетариата. В одной из своих статей я старался доказать, как это доказывал раньше меня Троцкий, что в переходный период диктатуры пролетариата перед партией и советской властью стоят преимущественно боевые задачи, а не органического, в том числе и литературного, строительства (свет зари не ложится на взолнованное море³⁹), когда же наступит социализм, то речь будет идти не о пролетарской, т.е. классовой, литературе, а о социалистической, бесклассовой. В вопросе о так называемых попутчиках в литературе я тоже развивал троцкистские взгляды, ориентируясь на мелкобуржуазных писателей, как на основное ядро.

Не помню точно, в каком году организовался «Перевал», кажется, в конце 1924-го года. Организатором «Перевала» был я. Я подбирал людей, настроенных против напостовцев. Специальных целей составить «Перевал» из троцкистов или им сочувствующих у меня не было. Об этом, между прочим, свидетельствовал пестрый и разнородный состав «Перевала»; в него входили старые мастера художественного слова, например Мих. Мих. Пришвин, и в то же время начинающие комсомольские поэты, Светлов, Голодный, Кузнецов⁴⁰ и т.д. Использовал я «Перевал» для троцкистских целей позже – главным образом, с 1927-го года. До этого времени я, продолжая работать в «Красной Нови»⁴¹, в «Прожек-

---

председателя Главного концессионного комитета при СНК СССР, член коллегии Народного комиссариата финансов СССР, в 1926–1928 гг. член Главной редакции 1-го издания Большой советской энциклопедии. В октябре 1927 г. был исключен из партии, в январе 1928 г. выслан из Москвы в казахский город Уральск. В 1928–1930 гг. работал в аппарате Государственного планового комитета Татарской Автономной Советской Социалистической республики. В июле 1929 г. вместе с Радеком, Смилгой и Преображенским направил письмо в ЦК ВКП (б) о выходе из троцкистской оппозиции, в январе 1930 г. восстановлен в партии. Расстрелян.

³⁹ Самоцитата из книги Воронского, посвященной жизни и творчеству Н.В.Гоголя.

⁴⁰ Н.А.Кузнецов (1904–1924) – пролетарский поэт. Окончил жизнь самоубийством 20 сентября 1924 г.

⁴¹ «Красная новь» – литературный журнал (1921–1941) – первый «толстый» литератур-

торе»⁴², в «Круге»⁴³, встречался с виднейшими троцкистами, но в организационной работе участия не принимал. Нередко встречался с Троцким.

С Троцким у меня встречи происходили сначала в Реввоенсовете⁴⁴, позже в главном комитете по концессиям⁴⁵. Троцкий расспрашивал меня о литературных делах, литературных настроениях [3, с.59–60], одобряя мое поведение и, в частности, мою борьбу с напостовцами. Разумеется, наши разговоры не ограничивались литературными темами, но касались и вопросов чисто политических, причем Троцкий развивал свои обычные тогдашние взгляды. По литературной линии он защищал меня и в печати, и в Центральном Комитете, например на литературном совещании при Отделе печати Ц.К. в конце 24-го или весной 25-го года. Еще раньше этого времени, в 1922-м году, я, по его личной просьбе, познакомил его с Бор. Пильняком⁴⁶ и со Всеволодом Ивановым⁴⁷. Время от времени Троцкий присылал мне свои отзывы в письмах с оценкой разных авторов и литературных произведений, об альманахах, «Круге», об Огневе, о Пильняке, о Пришвине, Сергее Буданцеве⁴⁸. Эта переписка мною уничтожена. Иногда он по телефону или при личных свиданиях рекомендовал мне тех или иных писателей, например Веру Инбер⁴⁹, Эдуарда Баг-

---

ный журнал, объединявший вокруг себя как «попутчиков», так и пролетарских литераторов. При журнале была организована (с ноября 1923 г.) группа «Перевал».

⁴² «Прожектор» – советский литературно-художественный и иллюстрированный сатирический журнал, выходил в качестве приложения к газете «Правда» (1923–1935). В состав редколлегии входили Н.И.Бухарин, А.К.Воронский и др.

⁴³ «Круг» – издательство, организованное в 1922 г. В деятельности издательской артели принимали активное участие «попутчики»: Л.Сейфуллина, Б.Пастернак, В.Иванов, Б.Пильняк, И.Эренбург и др.

⁴⁴ Л.Д.Троцкий (1879–1940) был наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета РСФСР в 1921–1925 гг. В 1927 г. был снят со всех постов и отправлен в ссылку в Алма-Ату.

⁴⁵ Главный комитет по концессиям при СНК СССР был образован в 1923 г., упразднен в 1937 г.

⁴⁶ Б.А.Пильняк (1894–1938) – русский советский писатель, прозаик. Расстрелян.

⁴⁷ В.В.Иванов (1895–1963) – русский советский писатель, драматург.

⁴⁸ С.Ф.Буданцев (1896–1940) – русский советский прозаик.

⁴⁹ В.М.Инбер (1890–1972) – русская советская поэтесса и прозаик, лауреат Сталинской премии (1946).

рицкого⁵⁰. Связь моя с Троцким поддерживалась и помещением его статей в «Красной Нови».

Когда к Троцкому присоединились Зиновьев, Каменев и его сторонники, к моим прежним связям с видными троцкистами прибавились новые, и прежде всего Лашевич⁵¹ и Зорин⁵², с которыми я находился в короткой личной дружбе. Были почти ежедневные встречи и соответствующие разговоры, особенно на квартире у Хлыновой. Некоторые мои колебания, вызванные частыми встречами с Мих. Вас. Фрунзе, были забыты. В 1927-м году я принял в троцкистской деятельности более активное, нежели раньше, участие. Между прочим, в начале 1927-го года Троцкий по телефону сообщил мне, что у него для «Красной Нови» есть литературная работа, значительная, листов в 12–15, – называется она «Ленин в гражданской войне». Работа эта была вскоре представлена в редакцию. Она состояла преимущественно из телеграмм, записок, разговоров по прямому проводу. Я сдал рукопись в набор, когда рукопись была набрана, ее затребовали в гранках в Секретариат Ц.К. партии. Я сообщил об этом Троцкому; спустя день или два, в течение этого времени рукопись была возвращена в редакцию, Троцкий позвонил и сказал, что он по личной инициативе снимает свою работу и просит ее возвратить вместе с гранками, что я и сделал. О дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Как я уже помянул, в 1927-м году я принял более активное участие в троцкистской антипартийной деятельности. Это заметно отразилось и на «Перевале», где под моим воздействием образовалась троцкистская литературная группировка, состоявшая помимо меня из Артема Веселого, Ник.Зарудина, Светлова, Мих.Голодного, Эд.Багрицкого,

---

⁵⁰ Э.Г.Багрицкий (1895–1934) – русский советский поэт, переводчик, драматург.

⁵¹ М.М.Лашевич (1884–1928) – русский революционер, советский военный деятель, участник «левой оппозиции». В 1925 г. был заместителем наркома по военным и морским делам СССР, заместителем председателя Реввоенсовета СССР, членом Президиума ВСНХ СССР, в 1923–1925 гг. член ЦК РКП (б). В 1926 г. организовал нелегальное собрание оппозиции в подмосковном лесу, эти действия были расценены на шольском Пленуме ЦК ВКП (б) как фракционные; Лашевич был снят с должностей и в 1927 г. исключен из партии. Восстановлен в 1928 г. Умер в Харбине при не вполне ясных обстоятельствах.

⁵² С.С.Зорин (1890–1937) – советский государственный и партийный деятель. Член левой оппозиции. В 1923 г. первый секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП (б). Со-редактор газеты «Рабочий край» и журнала «Красный ткач». Активный участник «ленинградской оппозиции» против Сталина. В 1925 г. работал в ВСНХ. В 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. восстановлен. Расстрелян.

Ник.Дементьева⁵³. Так как эти писатели и поэты сильно расходились между собой в характере своего творчества и иногда даже враждовали между собой, например Артем Веселый и Ник.Зарудин, то спаянной группы не получилось и участники этой группировки действовали вразброд, отдельно друг от друга, каждый в своей среде, что, конечно, не исключало их попыток влиять на литературную среду как в «Перевале», так и вне его. Прежде всего, это нужно отнести ко мне. Я пытался воздействовать, помимо упомянутых выше писателей-троцкистов и на других, на Сергея Семенова, хотя он не был в «Перевале», на Огнева, Скуратова, но успеха в том не имел. Иван Катаев тогда значительной роли еще не играл в «Перевале».

Когда в конце 1927-го года борьба троцкистов с партией достигла особого обострения, я и Сергей Зорин были направлены троцкистским центром в Иваново-Вознесенск для пропаганды и для организации троцкистов. Я и Зорин были приглашены Зиновьевым на его квартиру, где он заявил нам, что по соглашению с Троцким нас наметили в Иваново, чтобы мы воспользовались ноябрьскими праздничными днями; мы раньше работали в Иванове и потому знаем местных людей и местные условия. Мы поехали, взяв с собой две отпечатанные в типографии платформы. Мы пробыли в Иванове три-четыре дня. Зорин провел два собрания, кажется, среди вузовцев. Я раздал платформы, действуя при помощи двух молодых троцкистов, одного колориста инженера, а другого московского студента, но коренного иваново-вознесенца; фамилии их я не могу припомнить сейчас. Позже они были арестованы и отправлены в ссылку. Фамилии их нетрудно установить при помощи Сергея Зорина, он был связан с ними не меньше, чем я. Значительных троцкистских результатов наша поездка не имела; с видными местными работниками мы постарались связаться, но эти попытки так и остались попытками. Доступа к рабочим мы не имели.

В дальнейшем моя троцкистская деятельность падает на 1928-й год. Я был исключен из партии, но оставлен в Москве. Перед высылкой Троцкого я виделся с ним на его новой квартире, но у него было много народу, кажется, Смилга⁵⁴, Мрачковский⁵⁵, и мне пришлось с ним только по-

⁵³ Н.И.Дементьев (1907–1935) – русский советский поэт. Покончил жизнь самоубийством.

⁵⁴ И.Т.Смилга (1892–1937) – советский политический и государственный деятель, экономист. С 1923 г. зам. председателя Госплана СССР, в 1924–1927 гг. – директор Московского института народного хозяйства. В 1927 г. исключен из партии за участие в троц-

прощаться. Когда Троцкий был выслан, меня вызвал Борис Эльцин⁵⁶ и сообщил, что по оглашению и по директиве Троцкого нужно организовать центр в Москве, на обязанности которого должна лежать «поддержка идейного знамени». Связь с Троцким, связь с сибирским центром; в этот центр вошли Сосновский⁵⁷, Радек⁵⁸, Муралов⁵⁹, Богуславский⁶⁰, других я

кистской оппозиции, снят со всех постов. В 1930 г. вместе с Радеком и Преображенским заявил о разрыве с троцкизмом. Был восстановлен в партии. Работал в Президиуме ВСНХ и заместителем председателя Госплана СССР. Расстрелян.

⁵⁵ *С.В.Мрачковский (1888–1936) – революционер, советский военный и хозяйственный деятель. В 1923 г. был командующим Приволжским военный округом, с 1925 г. председателем треста «Уралзолото». С 1923 г. активный участник левой оппозиции. В 1927 г. был исключен из партии, в 1928 г. выслан в Северо-Двинскую губернию; в 1930 г. (после подачи заявления об отходе от троцкизма) возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1932–1933 гг. – начальник Управления строительства Байкало-Амурской магистрали. В 1935 г. арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения. Расстрелян как участник «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».*

⁵⁶ *Б.М.Эльцин (1875–1937) – революционер, член РСДРП с 1897 г., в 1923 г. принадлежал к левой оппозиции, подписал «заявление 46-ти». Работал в Госплане РСФСР. Исключен из партии в 1927 г., сослан в Усть-Вьюмь. В середине 30-х гг. находился в Оренбургской ссылке. В 1936 г. арестован вновь, отправлен на Колыму. Расстрелян.*

⁵⁷ *Л.С.Сосновский (1886–1937) – революционер, политический деятель, журналист. В 1917–1924 гг. член Президиума ВЦИК, в 1921 г. – во главе Агитпропа ЦК РКП (б). В 1923–1924 гг. был членом ЦКК РКП (б). С 1918 по 1924 г. – редактор газеты «Беднота». В левой оппозиции с 1923 г., подписал «заявление 46-ти», исключен из партии в 1927 г., в 1928 г. отправлен в ссылку. В 1934 г. признал отход от троцкизма, возвращен в Москву, работал в газете «Социалистическое земледелие», сотрудничал с «Известиями», восстановлен в партии в 1935 г. Расстрелян.*

⁵⁸ *К.Б.Радек (1885–1939) – советский политический деятель, один из руководителей международного социал-демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП (б), в 1920–1924 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда», «Известия». В 1927 г. исключен из ВКП (б), выслан в Красноярск. В 1930 г., вместе с Е.А.Преображенским, А.Г.Белобородовым, И.Т.Смигой, направил в ЦК партии письмо, заявив о разрыве с троцкизмом. В 1937 г. был приговорен к 10 годам тюрьмы. Убит в Верхнеуральском политизоляторе другими заключенными.*

⁵⁹ *Н.И.Муралов (1877–1937) – революционер, большевик с 1903 г., военный деятель. В 1924 г. командующий Северо-Кавказским военным округом. В 1925 г. член ЦКК ВКП (б), в 1925–1927 гг. начальник военно-морской инспекции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, ректор Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева. Участник объ-*

не помню. Я дал Эльцину свое согласие и вошел в троцкистский московский центр. Кроме меня и Эльцина, в этот центр вошли Иванов⁶¹, Кавтарадзе⁶², Мдивани⁶³. У нас было несколько совещаний. На этих совещаниях обсуждались вопросы о том, как наладить лучше связь с Троцким, получение от него директив, обращений и писем для размножения, вопросы о печатании троцкистской литературы, о деньгах, о помощи арестованным и ссыльным, о поддержке с ними связей, о связях с троцкистскими группами и кружками. Зачитывались письма Троцкого, Радека, Раковского, Смилги и других; припоминаю, что Борис Эльцин рассказывал мне, будто в Алма-Ату посланы «свои люди» и эти люди дежурят неподалеку от местожительства Троцкого, один под видом продавца папирос, другой под видом извозчика. Для какой это цели, я сказать сейчас затрудняюсь; очевидно, для его охраны и для передачи от него писем, директив и т.д. Я взял на себя руководство троцкистским Красным

единенной оппозиции. В 1927 г. исключен из партии и выведен из состава ЦК ВКП (б). Был выслан в г. Тару Омского округа. В 1936 г. арестован, во время следствия подвергся пыткам. Расстрелян.

⁶⁰ *М.С.Богуславский (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель. Заместитель председателя Моссовета в 1922–1924 гг., председатель Малого Совнаркома РСФСР (1924–1927). К левой оппозиции принадлежал с 1923 г. Подписал «заявление 46-ти». Был исключен из партии в 1927 г. В 1930 г. подал заявление об отходе от троцкизма, восстановлен в рядах партии. Расстрелян.*

⁶¹ *Не вполне ясно, о ком идет речь.*

⁶² *С.И.Кавтарадзе (1885–1971) – революционер, государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. С 1922 по 1923 г. был председателем Совнаркома Грузии. В 1924–1927 гг. первый заместитель прокурора Верховного суда СССР. С 1923 г. участник левой оппозиции, в 1927 г. исключен из партии, выслан в Среднюю Азию. В 1929 г. осужден к 3 годам лишения свободы, помещен в Тобольский политизолятор. После подачи заявления (1931) об отходе от троцкизма был освобожден. В 1936 г. вновь арестован по обвинению в покушении на жизнь Сталина. Провел год в одиночной камере смертников. В 1939 г. был освобожден, в 1940 г. восстановлен в партии. С 1941 г. работал в Наркомате иностранных дел. В 1945–1952 гг. посол в Румынии. В 1961 г. участвовал в XXII съезде КПСС.*

⁶³ *Б.Г.Мдивани (1877–1937) – советский государственный и партийный деятель, один из лидеров грузинской оппозиции. В 1923–1924 гг. член Главного концессионного комитета СССР, в 1924 г. торговый представитель СССР во Франции. Отозван из Франции (1928); за участие в оппозиции исключен из партии. В 1931 г. после подачи заявления об отходе от троцкизма восстановлен в ВКП (б), назначен председателем СНХ Грузии, народным комиссаром легкой промышленности ССР Грузия. В 1936 г. арестован. Расстрелян.*

крестом. Он был должен оказывать помощь деньгами и вещами заключенным и ссылаемым троцкистам. Деньги я получил от Вяч. Полонского⁶⁴ по преимуществу, кое-что от перевальцев-троцкистов, а передавал их Марфе Виленской, списки же арестованных мне сообщал Бор. Эльцин. Связей с районами и с кружками я не имел. Насколько мне припоминается, я по поручению Эльцина имел разговор с Гасвиани, которая одно время скрывалась у Фатурян, разговор шел относительно того, нельзя ли на Кавказе организовать побег Троцкого, но из этого разговора ничего не вышло.

В конце марта или в апреле 1928 года...⁶⁵ меня тяготит моя деятельность в центре: с личной точки зрения мне нужно закончить мою книгу «За живой и мертвой водой», над которой я тогда усиленно работал; кроме того, я сказал, что заниматься конспиративными делами, находясь в первом доме Советов, нецелесообразно и что это приведет к провалам. Эльцин не соглашался со мной, не соглашался на мой выход из центра, но я настаивал на своем. Я заявил, что собираюсь на продолжительное время уехать на Северный Кавказ, чтобы закончить книгу. В конце концов Эльцин дал свое согласие, я уехал в Эссентуки, где провел все лето, работая над книгой. Я считал себя с тех пор вышедшим из центра. Осенью я, списавшись с Серебряковым, перебрался в Гагры. Здесь я встретил Кроля, Богуславского, позже приехал из Сухума И.Н.Смирнов⁶⁶, который созвал в лесу совещание. На нем присутствовали я, Серебряков, Кроль⁶⁷, Богуславский. Смирнов выступил с информацией по поводу троцкистских дел, по поводу пребывания Троцкого в Алма-Ате; дальше обсуждались вопросы о распространении троцкистской

---

⁶⁴ В.П.Полонский (1886–1932) – критик, журналист, историк, главный редактор журнала «Новый мир» (1926–1931).

⁶⁵ Далее чтение нескольких слов затруднено ввиду низкого качества ксерокопии. Возможно: «я понял, что».

⁶⁶ И.Н.Смирнов (1881–1936) – революционер, член РСДРП с 1899 г., большевик с 1903 г., политический деятель, один из лидеров левой оппозиции. В 1919–1921 гг. председатель Сибревкома, в 1923–1927 гг. нарком почт и телеграфов. С 1923 г. принадлежал к левой оппозиции, был одним из лидеров, подписал «заявление 46-ти». Исключен из партии (1927), в 1928 г. осужден на три года ссылки. Написал заявление об отходе от троцкизма (1928), был восстановлен в партии. С 1932 г. начальник новостроек Наркомата тяжелой промышленности СССР. Вновь был репрессирован, отбывал срок в Суздальской тюрьме особого назначения. Расстрелян.

⁶⁷ С.Я.Кроль (1894–1937) – профсоюзный деятель. Расстрелян.

литературы, о связях с Сибирью. Вскоре Смирнов уехал, но спустя несколько дней ко мне от него явился красный профессор, фамилию я его забыл, но она имеется в моем обвинительном деле ГПУ от 1929-го года. Красный профессор предъявил мне записку от Смирнова, в которой он просил меня разобраться в деле этого профессора. Дело же заключалось в том, что помянутый профессор имел какие-то связи с работниками ГПУ, через которых он получал сведения о предполагаемых арестах среди троцкистов. Об этом он сообщил некоторым видным троцкистам, оставшимся в Москве, в том числе Эльцину, который заявил ему, что, вероятно, не он использует ГПУ, а его использует ГПУ и предложил ему прекратить эту связь, а когда тот отказался, ему сказали, чтобы он оставил Москву. Со слов красного профессора его опорочили среди троцкистов и он требует, чтобы его «честь» была восстановлена. Этим я и должен заняться. Я ответил, что не имею возможности проверить его дело и отказываюсь поэтому в нем разбираться. Профессор ушел от меня в сердцах⁶⁸. Возвращаясь в Москву, я виделся в Сочах с Эльциным в санатории имени Фрунзе, он рассказал мне, что делается среди троцкистов в Москве, главным образом об арестах. Когда он приехал в Москву, то заявил, что не будет приглашать меня на совещания центра, но Красный крест должен остаться за мной; кроме того, я не должен отказываться от отдельных поручений. Я согласился на это, но сказал, что считаю себя вышедшим из центра. Это было, кажется, уже в ноябре, а в начале 1929-го года я был арестован. До ареста я продолжал работать в Красном кресте. Иногда Эльцин приглашал меня к себе, делился со мной информацией относительно троцкистских дел или на совещание с ним по какому-либо вопросу.

---

⁶⁸ После первого ареста Воронский в январе 1929 г. направил заявление Серго Орджоникидзе (см. выше), в котором откомментировал эту ситуацию так: «В беседах со следователями ГПУ и ее работниками я убедился, что эти обвинения основаны на случайных разговорах разных лиц, на недоразумениях и т.д. Был, например, случай, когда один человек обратился ко мне с просьбой выяснить его положение в оппозиции. Он сказал мне, что его обвиняют в связи с ГПУ. Я заявил ему, что скоро уезжаю и от дела отказываюсь. В ГПУ у меня создалось впечатление при допросах и беседах, что этот разговор передан в совершенно искаженном виде, так, что я даже отстранил его от работы. А я этого человека не знал и ни отстранять его, ни привлечь не намеревался» [7, с.279]. Это был Г.М.Стопалов (см. о нем прим.3).

В феврале 1929 года я был сослан в Липецк. Из троцкистов поддерживал переписку с Зориным, с Лелевичем⁶⁹, из перевальцев с Ник. Зарудиным, Лежневым, Иваном Катаевым, Губером.

Весной ко мне в Липецк приехали Ив. Катаев, Лежнев, Губер, Хлынова и еще две знакомых женщины, их помню я только по именам: Наталья (Комаринец?), Ираида, а также жена Футурян, жены Лежнева и Губера. Приехали они «навестить» меня и обсудить несколько литературных дел. Речь шла об организации особого творческого кружка «Тридцатые годы», который имел в виду организовать Бор. Пильняк. Я возражал против организации вокруг Пильняка; со мной в конце концов согласились. Говорили об очередном альманахе перевальцев «Ровесники» и о литературно-общественных установках, главным образом о гуманизме. Я не возражал. Эти взгляды нашли потом свое выражение в статье Лежнева, помещенной в помянутом альманахе, вышедшем осенью⁷⁰. Перевальцы советовали мне подать заявление об отходе от оппозиции, но я решительно высказался против.

Из других посещений меня в то время отмечу: приезд писателя Никифорова; с ним я был знаком еще по Тамбову в 905 году; встречались на массовках и кружках. Он читал мне отрывки из своего романа. Политических троцкистских разговоров у меня не было с Никифоровым⁷¹. Была у меня Лидия Сейфуллина⁷²; меня с ней связывала чисто литературная жизнь. Приезжал Бабель, и с ним у меня не было никаких троцкистских дел. Можно было заметить его личную приязнь к Троцкому. Приезжала Инна, жена Ив. Скворцова-Степанова⁷³, с инженером Алексеевым. Инна Скворцова была настроена против троцкизма и советовала мне отойти от троцкизма. Я возражал. Что касается Алексеева, то у него были некоторые связи с видными троцкистами, помимо меня,

---

⁶⁹ Г.Лелевич (Лабори Гилелевич Калмансон, 1901–1937) – поэт, литературный критик, один из руководителей ВАПП. Расстрелян.

⁷⁰ См. о ней выше.

⁷¹ Г.К.Никифоров (1884–1938) – русский писатель. Арестован по «делу о заговоре писателей» в 1938 г. Расстрелян.

⁷² Л.Н.Сейфуллина (1899–1954) – русская советская писательница. В 1923 г. направила письмо в редакцию журнала «Молодая гвардия», в котором сообщила, что выходит из редакции, мотивируя это так: «Я не разделяю отношение журнала "На посту" к журналу "Красная новь" и к редактору ее тов. Воронскому в частности» (Цит. по: [2, с.108]).

⁷³ И.И.Скворцов-Степанов (1870–1928) – государственный и партийный деятель, историк, экономист, первый народный комиссар финансов РСФСР.

например с Сокольниковым, Преображенским, высказывания же его были неопределенны и невразумительны. Припоминаю, что однажды он был на охоте на медведя вместе с Троцким. Кажется, это дело организовал Преображенский. Связей с местными троцкистами в Липецке у меня не было, ссыльных троцкистов в то время тоже не имелось в городе. В конце лета я неожиданно получил письмо от Мрачковского из Воронежа. С Мрачковским я раньше не встречался. В письме он сообщал, что он и ряд других видных троцкистов в Воронеже и в других местах решили отойти от троцкизма, подав соответствующее заявление. Это же и мне он советует сделать. Я ответил отказом. Потом проездом на юг у меня остановился на сутки Зорин. Он тоже уговаривал меня подать заявление об отходе, предлагая присоединиться к его заявлению. Я тоже отказался.

По болезни осенью (1929 г. – А.Ю.) я получил разрешение от ГПУ приехать в Москву. Здесь я встретил Серебрякова, Радека, Смилгу, Смирнова. Все они уже подали заявления об отходе и убеждали меня сделать то же самое. *Имел по поводу троцкизма подробную беседу со Сталиным⁷⁴ и спорил с ним.* В ноябре я подал заявление об отходе от троцкизма. Хотя я и испытывал в то время колебания в правильности троцкизма, но, в конце концов, отход мой не был искренним, а был двурушническим. Лично для меня при подаче заявления значительную роль играли литературные дела. Мне хотелось печататься, в частности, очень хотелось увидеть напечатанной книгу «За живой и мертвой водой». Хотелось также заниматься литературной и редакционной работой. Ссылка все это исключала. Я не хочу этим прикрыться, литературными делами, и прикинуться аполитичным человеком, но указываю личные особенности, побудившие меня, помимо общей политической обстановки, сложившейся крайне неблагоприятно для троцкистов, подать двурушническое заявление.

Я остался после подачи заявления в Москве. Я продолжал встречаться с Серебряковым, с Зориным, Вуйовичем⁷⁵, Тэром, со Смирновым, Гасвиани, Алавердовой, Сергеем Гессеном, Лелевичем и с перевальцем Катаевым, Лежневым, Зарудиным, Губером, Артемом Веселым, Бор. Пильняком. С перевальцами я встречался преимущественно на квартире

⁷⁴ А.К.Воронский был у Сталина на официальном приеме, зафиксированном Журналом посещений, дважды: 4 февраля 1925 г. и 23 октября 1929 г. [4, с.688, 689].

⁷⁵ В.Д.Вуйович (1897–1936) – один из руководителей Коммунистического интернационала молодежи. Участник троцкистской оппозиции. Расстрелян.

Катаева, а с более видными троцкистами на квартире у Хлыновой, у Серебрякова и Зорина. Обычно встречи мои с ними происходили на вечеринках. Эти вечеринки давали возможность троцкистам открыто собираться, обмениваться короткими мнениями по разным текущим политическим вопросам, репликами, шутками и т. д., что, разумеется, не мешало отсаживаться по желанию в угол, на край дивана, уходить в другую комнату для более подробных разговоров. Говорили о зажиме в партийных организациях троцкистов, подавших заявление об отходе, о проработках, о том, что не дают ходу, о *личном режиме*⁷⁶, о бюрократизме, о партийных чиновниках, о косности партийного и советского аппарата. Во всех этих разговорах я принимал участие наряду с другими. Организационных связей у меня не было, я не выполнял каких-нибудь определенных поручений и не получал директив. Смирнова я после двух-трех встреч стал избегать, так как не хотел быть втянутым в его орбиту, и с 1931 года мои встречи с ним прекратились. Однако не прекратились мои встречи с другими поименованными выше троцкистами. Чаще всего я виделся с Зориным и Серебряковым. Что касается Серебрякова, то он держался и со мной, несмотря на долготлетнюю дружбу нашу, как я теперь считаю, очень осторожно и предпочитал при случае отделяться общими неопределенными фразами. Неоднократно и мне, и Зорину он говаривал, что мы, особенно когда выпьем, невоздержанны на язык. Кроме того, у него всегда было всякого, самого разнообразного народа, и часто я не знал, что это за люди. Бывали у него Гасвиани⁷⁷, Алавердова, Хлынова, я, Зорин, Пинкевич⁷⁸, Свердлов⁷⁹, Емшанов⁸⁰, Языков, Цурюпа

---

⁷⁶ Судя по всему, это скрытая характеристика бюрократического стиля управления И. Сталина.

⁷⁷ Скорее всего, речь идет о Лидии Илларионовне Гасвиани (1902–?). В партии большевиков с 1918 г. Была зав. отделом работниц ЦК КП (б) Грузии. Принадлежала к левой оппозиции. В 1928 г. исключена из партии. В 1929 г. подала заявление об отходе от оппозиции. В 1930 г. восстановлена в партии.

⁷⁸ А. П. Пинкевич (1883/1884–1937) – советский педагог, общественный деятель, доктор педагогических наук (1935). Член РСДРП с 1903 г. Организатор и первый ректор Уральского университета. Создатель «Педагогической энциклопедии» (1927–1929). В 1931–1936 гг. работал в Высшем коммунистическом институте просвещения. Расстрелян.

⁷⁹ В. М. Свердлов (1886–1939) – младший брат Якова Свердлова. Работал в Наркомате путей сообщения. С 1921 г. председатель Главного Комитета Государственных сооружений, с 1926 г. член Президиума ВСНХ, зав. научно-техническим отделом ВСНХ. С 1936 г. директор Дорожного научно-исследовательского института. Расстрелян как

(инженер), его сослуживцы Черных, Колоколкин и другие. С Зориным у меня были более подробные беседы, обычно у него на квартире; они продолжались до самого последнего времени, т.е. до его ареста в начале 1935 года. Я с ним дружил более чем с другими, и он знает о моих политических и литературных настроениях больше других. В 1930 и 31 годах, о которых сейчас идет речь, я в своих разговорах с ним указывал на то, что сплошная коллективизация вызывает сокращение посевной площади, урожая, ведет к истреблению скота и сеет недовольство среди крестьян. Зорин эти мои настроения считал отражением кулацкой идеологии, утверждая, что главное не в этом, а в плохом положении рабочего класса, в том, что чрезмерно рабочий работает и мало получает, что условия его жизни остаются крайне тяжелыми.

Относительно состояния партийного и советского аппаратов мы сходились в том, что они бюрократичны. Очень много я уделял времени в разговорах с ним и литературным делам. Так как мои литературные дела в сильной степени влияли на мои политические настроения, то я должен остановиться на них несколько подробнее. Литературная обстановка для меня сложилась тогда крайне неблагоприятно. РАПП и ВАПП во главе с Авербахом⁸¹ захватили главные литературные участки: в издательствах они имели «своих людей», нередко среди руководителей. В их руках находились журналы и другие периодические издания. Едва я сдавал свою рукопись, как со стороны сторонников ВАППа следовал соответствующий нажим и рукопись задерживалась печатанием иногда на год и более, а иногда и совсем не печаталась либо подвергалась таким каstrациям, что от нее оставалась половина. Я считал, что придирки мелочны и часто нелепы, что задержки неправильны. То же самое получалось и с рукописями других перевальцев. Все это настраивало меня на мрачный лад, что я высказывал и в «Перевале», и Зорину, и другим знакомым. В результате я пришел к убеждению, что мне невозможно выступать со своими критическими статьями. Двуррушничества в литературной

«троцкистский террорист».

⁸⁰ *А.И.Емианов (1891–1937) – советский хозяйственный деятель. В 1917–1920 гг. был начальником Пермской железной дороги. В 1920–1921 гг. нарком путей сообщения. С 1924 г. вновь стал руководить Пермской железной дорогой. В 1926 г. – управляющий КВЖД. Расстрелян.*

⁸¹ *Л.Л.Авербах (1903–1937) – советский литературный критик, главный редактор журнала «На литературном посту». Один из основателей РАППа, генеральный секретарь ВАПП (1926–1932). Расстрелян.*

области я не хотел, и потому после 1929 года до 1937 года я не опубликовал ни одной статьи. Я сломал перо критика. Это мне было крайне тяжело. Не могу сказать, что в ответственных парт. кругах, например в отделе печати Ц.К. существовал запрет на мои вещи. Скорее наоборот, мне неоднократно давали понять, что мне нужно писать и по вопросам критики, но на практике, когда приходилось иметь дело с деловым аппаратом, с отделами и подотделами, все обращалось по-иному. Я продолжал работать над критическими статьями по старой привычке, по литературному зуду и складывал их в стол. Рассказываю все это не для того, чтобы оправдать свое двурушническое поведение, оно нисколько не оправдывается этим, а для того, чтобы выяснить, чем питались в значительной степени мои политические настроения. Под влиянием своих литературных неудач, проволочек, отказов, придирок усиливались мои разговоры о бюрократизме, зажиме, окостенелости, несправедливости и т.д. Дело не ограничивалось моими личными литературными делами. «Перевал» со стороны ВАППа подвергался, как я уже упомянул, тоже очень рьяным преследованиям такого же порядка. Мы продолжали вести борьбу с ВАППом, но силы к тому времени были явно неравные. Сторонники ВАППа «крыли» перевальцев за *стихи о природе, если в них не было заостренности в духе Безыменского, за интеллигентщину, за отсутствие в повестях и рассказах явной, непосредственной тенденциозности*. Бить нас было за что, но все нужно было поставить на свои места, и заушательство должно было иметь определенные границы. Мы их не видели и, наоборот, видели противоположное. В оформлении троцкистских настроений среди перевальцев это имело немаловажное значение, и, вероятно, перевальцы это подтвердили в своих показаниях. Не умаляя своей личной ответственности в этом оформлении, в поддержке и укреплении, я хочу только сказать, что и литературных неурядиц нельзя сбрасывать со счетов.

В партийной жизни я принимал мало участия, ограничиваясь выполнением тех поручений, в общем немногочисленных, которые на меня накладывали. Я входил в ячейку 13-ой типографии, посещал собрания и выступал, когда мне говорили, что нужно выступать, а больше отмалчивался. Связей с отдельными партийцами и беспартийными, работающими в типографии, я не завязывал и разговоров не вел. То же самое было и [в] Гихле, в литературном художественном издательстве, где я занимал место старшего редактора по классикам. Несколько раз В.И.Соловьев предлагал мне написать два–три предисловия к выходящим книгам. Я заявлял, что я отказался от критической деятельности. Я делал это по-

тому, что Соловьев, как мне казалось, поддерживает ВАПП. Своих литературных взглядов, воронщины, я ни от кого не скрывал и неоднократно высказывался в том смысле, что в основном я эти свои взгляды не переменял.

Во второй половине 1931-го года мои взгляды на коллективизацию еще сильнее ухудшились. Они ухудшились под влиянием хлебного недорода [и] продовольственных затруднений, сокращений количества скота и таких фактов, какие имели место в Казакстане⁸². И я стал высказывать их сильнее и чаще, чем это я делал раньше. Я не замечал положительных фактов и видел отрицательные. Я не сумел все поставить на свое надлежащее место и за деревьями не видел леса. *Я считал, что нужно возвращаться к системе хозяйства, напоминающего прежний НЭП, и к этому присоединить очищение партийного и советского аппаратов от бюрократизма путем большей свободы высказываний, свободного слова и печати.* Я не учитывал капиталистического окружения советской страны и трудностей, связанных с переходом на пятилетку и колхозы. Я считал, что если так будет продолжаться дальше, то страна не выберется из тупика, сельское хозяйство будет подорвано, а тем самым будет в конце концов подорвана и промышленная база. Я и раньше критиковал партруководство, теперь я стал критиковать его еще сильнее. Однако не скажу, чтобы у меня было ясное представление, кем конкретно его можно было заменить. Опять-таки говорю это не в свое оправдание, а для того лишь, чтобы отметить, что я был очень решителен в отрицательной критике, но не имел продуманной политической⁸³ тактики. Я желал смены партруководства, но чувствовал, что Троцкий, Каменев и Зиновьев, как ни сочувствовал я им, как ни разделял я их взгляды, не помогут делу. Скорее я надеялся тогда на правых. Мне представлялось, что они лучше знакомы с нашим сельским хозяйством, с деревенским бытом и укладом, и я тогда, в 31-м году, не отождествлял их с троцкистами.

Эти свои взгляды на сельское хозяйство я высказывал перевальцам: Катаеву, Зарудину, Лежневу, Губеру, да они и сами были близки к ним. Так, по крайней мере, высказывались они особенно после поездок своих по разным областям. В частности, Артем Веселый мне много и подробно однажды рассказывал о голоде в Поволжье⁸⁴, о целых деревнях, где

---

⁸² Так в документе.

⁸³ Далее зачеркнуто А.Воронским: «программы».

⁸⁴ Массовый голод в 1921–1922 гг. в Поволжье. По некоторым данным число жертв

забиты окна и двери и где все разбежались, о падеже и убое скота. Я, конечно, настраивал перевальцев на определенный троцкистский лад, но они и сами без меня были достаточно настроены и часто сами сообщали мне различные тяжелые факты из деревенской действительности. Впрочем, у таких людей, как Зарудин, настроения часто менялись, и нельзя было с уверенностью сказать, что он будет говорить завтра. Связей организационных с правыми у меня не было ни тогда, ни позднее. Раза два я виделся с Марецким, его приводила к Хлыновой на вечеринки Алавердова, но бесед я с ним на троцкистские темы не вел. Один раз имел случайную встречу со Слепковым⁸⁵ на улице и прошел с ним два-три квартала. Позже уже в 1934-м году виделся летом с Бухариным в редакции «Известий»⁸⁶, по литературному делу. «Известия» предложили мне написать статью о ком-то из классиков. Я пришел к Бухарину и сказал, что я желал бы поставить вопрос о моем постоянном сотрудничестве в газете, что я до сих пор не писал критических статей, но готов изменить свою позицию. Он обещал *переговорить со Сталиным*, но, очевидно, не переговорил, и я больше не мог добиться свидания с ним.

С Троцким мои личные связи прекратились с конца 1928-го года и с тех пор не возобновились до самого моего ареста. В таких настроениях я встретил 1932-ой год.

20-го июля 1937 года

А. Воронский

РГАЛИ. Ф. 1677. Оп.2. Д. 3. Л.1–14.

голода дошло до 5 миллионов человек. Причинами голода были засуха 1921 г., последствия гражданской войны, политика военного коммунизма и продразверстки.

⁸⁵ *А.Н.Слепков (1899–1937) – советский журналист, партийный деятель, историк. Учился в Институте Красной профессуры (1924), автор трудов по истории революционного движения, последователь Н.И.Бухарина. С 1925 г. первый ответственный редактор газеты «Комсомольская правда». В 1930 г. исключен из партии «за правооппортунистические ошибки». В 1931 г. восстановлен в партии, работал профессором Саратовского университета. В 1933 г. вновь осужден. Расстрелян.*

⁸⁶ *Н.И.Бухарин (1888–1938) был главным редактором газеты «Известия» с 26 февраля 1934 г. по 16 января 1937 г.*

Библиографический список

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.1677 Оп.2. Д.3.
2. Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. М.: Советский писатель. 400 с.
3. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.
4. Власть и художественная интеллигенция (Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 2002. 872 с.
5. Воронский А. Избранные статьи о литературе. М.: Художественная литература, 1982. 528 с.
6. Воронский А.К. Искусство видеть мир: Статьи, портреты. М.: Советский писатель, 1987. 704 с.
7. Дикушина Н., Исаева Т. «Может быть, позже многое станет более очевидным и ясным» (Из документов «Партийного дела А.К.Воронского») // Вопросы литературы. 1995. Вып.3. С.269–292.
8. Лежнев А. Вместо пролога // Ровесники. Содружество писателей революции «Перевал». М.; Л., 1930. Сб. 7. С.5–19.
9. Магуайр Р. Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. / Современная западная русистика. СПб.: Академический проект, 2004. Т.50. 360 с.
10. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Т.1. 1925 – июнь 1941 г. 1023 с.
11. Овчаренко А.Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1929–1930 годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 207 с.